ISSN 1523-1941

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

№ 143 РАЗВЕДЧЕСТВА-СКАУТИЗМА сентябрь 2010 г.
ИЗДАНИЕ СЕКТОРА ИСТОРИИ И АРХИВА
R.Polchaninov, 6 Baxter Ave., New Hyde Park, NY 11040-3909, USA rpolchaninov@verizon.net

КАК МЫ СТАЛИ СКАУТАМИ

В сентябре 1926 г. Боря Мартино поступил в I класс II мужской гимназии. Боре было девять лет, а для приёма в гимназию надо было иметь десять, но Борю приняли в виде исключения. Знакомых в гимназии у Бори не было, но не успел он как следует познакомиться с одноклассниками, как к нему подошёл один из соучеников и сообщил, что через несколько дней, во время большой переменки, к ним в класс придёт его старший брат и будет записывать желающих в скауты. Боря, получив разрешение родителей, записался и стал ходить на сборы. Ходить надо было два раза в неделю, и довольно далеко в скаутскую штаб-квартиру, которая называлась – «скаутский стан».

Боре было только 9 лет и потому в звене (по-сербский – «вод») он оказался не только самым младшим, но и самым маленьким по росту. Одним словом, Боре у скаутов не понравилось и он перестал ходить на сборы.

У Бори в Белграде был троюродный брат, который был старше его, и был русским скаутом. Свой уход из отряда Боря объяснил мне, что югославские скауты не настоящие скауты, а вот русские скауты, - это настоящие. Я в этих делах ничего не понимал, но считал, что оно так и есть, полагаясь, что Боря знает лучше. Я признавал его авторитет и обычно с ним соглашался, а когда не соглашался, то Боря мне напоминал, что он на два года старше меня, хотя он был старше меня только на полтора года. Он был старше меня не на два года а на два класса. Мои родители были рады нашей дружбе, так-как я многому учился от Бори, а Борины родители были тоже довольны, что у Бори есть покладистый друг, не претендующий на первое место.

О скаутах мы не вспоминали, пока Боря не перешёл в V класс, а я в III. Это было в сентябре 1930 г. Один из Бориных одноклассников, который уже четыре года был скаутом и окончил курс для вожаков, решил собрать своё звено и предложил Боре снова поступить в скауты, на этот раз на должность помощника вожака, которому он будет поручать проводить каждый второй сбор. Для Бори это было заманчивым предложением, а для вожака – облегчением. Вместо двух только один сбор в неделю.

При II гимназии был I отряд скаутов, основный в 1921 г., а при I гимназии – II отряд, основанный несколько позднее. Начальником I отряда был Луло Фркович, считавшийся одним из лучших руководителей Сараевской дружины. Узнав, что Боря самостоятельно проводит сборы, Луло предложил ему должность вожака, если Боря соберёт звено новичков.

В сентябре 1930 г. нас, русских, в гимназии стало трое. Во II гимназию поступил, приехавший из г. Свилайнац (Сербия) русский мальчик – Слава Пелипец. После того как мы познакомились, мы решили идти после уроков вместе домой. Мне было не по пути, а Славе, хоть и не совсем по пути, но он пошёл с нами за компанию. Нас шокировало поведение Славы. Хоть ему и было 14 лет, он по дороге столкнул с тротуара какую-то девочку, высунул язык какой-то даме и вообще вёл себя неприлично. Боря сказал Славе, что если он хочет идти вместе с нами домой, должен вести себя прилично. Слава смутился

и откровенно признался, что хулиганил он только из желания не ударить лицом в грязь перед новыми друзьями.

Вожакам полагается быть старше своих скаутов, но Слава согласился поступить в Борино звено. В звене должно было бы быть 6-8 скаутов. Нас трёх было мало и Боря попросил меня привлечь в скауты хотя бы ещё четырёх, за что обещал меня сделать в своём звене – помощником вожака.

I февраля 1931 г., в присутствии начальника отряда, Боря провёл наш первый сбор. Эта дата была записана потом в моём скаутском удостоверении как день вступления в Союз скаутов королевства Югославии.

О чём говорил Боря на нашем первом сборе я в точности не помню. Вероятно говорил о том, что все скауты братья, что став скаутами, мы должны стараться быть лучше, что должны каждый день делать доброе дело, о чём нам должен напоминать узелок на скаутском галстуке, что не смеем пить и курить и так далее. Потом мы разучивали югославянский скаутский гимн и играли.

От этого первого скаутского сбора у всех у нас осталось самое хорошее впечатление, и, конечно, не от Бориных слов, а от игр, которыми закончился сбор.

Последнее впечатление всегда сильнее запоминается. Даже самый хороший сбор, но со скучным концом, запомнится как какой-то неудачный, и наоборот, будь хороший конец, и не очень интересный сбор запомниться как хороший.

Кроме того, игры в большой компании имеют всегда большую притягательную силу. Мы умели с Борей хорошо играть вдвоём, но это не то же самое, что игра всем звеном. У всех у нас дома редко собирались большие компании просто так, чтобы поиграть, а на улицу, в большие компании уличных ребят, нас не пускали родители. И было у них для этого немало причин.

Боря стал вожаком не имея ни III разряда ни «Завьета» (по-русски - Торжественное обещание – ТО). III разряд он сдал 16 февраля. Программа была нетрудной. Чтобы сдать III р. надо было уметь связать шесть узлов, вызубрить 10 скаутских законов, знать скаутский гимн и ещё две-три скаутские песни и историю скаутизма, которая начиналась с биографии БП – Баден Пауэлла и кончалась краткой историей скаутизма в Югославии, которому в 1931 г. исполнилось 20 лет. III разряд мы сдали в апреле нашему начальнику отряда и получили свидетельства.

Почти у всех скаутов мира св. Георгий считается небесным покровителем. В Словении и Хорватии день св. Георгия праздновался по-католический – 23 апреля, вернее в ближайшее к этому дню воскресенье. В православной части Югославии день св. Георгия отмечался 6 мая и этот день был выходным. В этот день все шли до восхода солнца в леса на «уранак». По традиции, в этот день новички давали ТО. Боря давал ТО вместе с нами – 6 мая 1931.

У сараевских югославских скаутов не было ни сборов отрядов ни сборов дружины. Маленькие комнаты штаб квартиры не вместили бы отряда, а двор не вместил бы дружину, в которой было более 150 человек. Походы тоже не устраивались.

«Уранак» был единственным походом всей дружины. Эта сербская традиция ведёт своё начало с времён турецкого ига. «Уранак», - это встреча ранним утром до восхода солнца. В турецкое время, в день св. Георгия (Джурджевдан) – 6 мая по новому стилю, рано утром, до восхода солнца, встречались «четники» (партизаны – от слова «чёта» - отряд) и уходили в покрывшиеся к тому времени листовой леса. Всё лето они партизанили, - грабили турецких купцов и убивали мусульманских помещиков и турецкое

начальство. Католики, которых в Боснии было мало, партизанили вместе с православными. Осенью, они возвращались домой, и изображали из себя покорных рабов.

После освобождения от турок «уранак» соблюдался как традиция – память 500-летней борьбы с турками. «Джурджевдан» в Сараеве был нерабочим днём, но отмечался он не как религиозный праздник, а как всенародный пикник. Он отмечался в Сербии, Черногории и Боснии и Герцеговине, то есть там, где когда-то правили турки. В Хорватии и Словении, где не было турок, не было ни «четников», ни традиции «уранака».

6 мая Сараево вставало до рассвета и все его жители шли в горы, в леса. Шли войска, школы, сокола и скауты. Думаю, что и мусульмане, не сидели в этот день дома, а уходили за город, только не так рано как христиане.

На скаутские сборы мы не ходили в формах, но на «уранак» надо было быть в форме. Сбор был назначен в скверике около мечети Али-паши, мимо которой лежал путь в горы.

Боря пришёл со звеновым флажком на посохе и с рюкзаком. На рюкзаке было одеяло, а в рюкзак мы сложили продукты, принесенные из дома. Рюкзак и флажок мы несли поочередно.

Скауты сидели на скамейках или на траве в ожидании сигнала строится. Вдруг ко мне подошёл парнишка с двумя полосками вожака на кармане. Он шёл улыбаясь с протянутой по-скаутский левой рукой. Он шёл прямо на меня. Я его сразу узнал. Это был один из хулиганов, который кричал мне – «рус – купус» (русский – капуста) кидал камнями, и иногда лез в драку. У него была «своя улица», которую я по дороге домой старался обходить стороной.

Так ты скаут, - обратился он ко мне – значит мы братья. Идём, я покажу тебя моему звену, и он обнял меня за плечо. Подойдя ближе я увидел, что всё звено состояло из тех самых хулиганов, от которых мне пришлось столько терпеть.

На их лицах было написано удивление. Не знаю, что их больше удивило, то ли что я тоже скаут, то ли то, что их вожак идёт в обнимку со мной. Все они были новичками, только вожак, был уже пару лет скаутом. Когда ему предложили собрать звено и стать вожаком, он записал в скауты всю свою банду.

Ребята улыбались, а я был страшно смущён. Вожак обратился к своему звену, показывая на меня, - этот «рус» теперь наш брат, и вы его больше не трогайте, а если надо, то и защищайте.

Вскоре была дана команда к построению и мы с песней двинулись в поход. Мы спели только одну песню, так-как вскоре за мостом дорога пошла в гору, а идя в гору, песен не поют. Была дана команда идти вольным шагом.

Мы шли мимо загородных «кафан» - ресторанчиков, окружённых лужайками. Там было много горожан. Для них жарились на вертеле барашки. Иногда барашков крутил кто-нибудь из служащих, а иногда костёр располагался около ручья, у вертела были лопасти и вода вертела барашка.

На лужайках вдоль дороги тоже было много горожан и мы должны были уйти подальше в лес, не только от стен городских, но и от городских жителей. На одной такой лужайке мы остановились, постелили одеяла и сели отдохнуть и позавтракать. Потом мы построились по отрядам и началась церемония дачи Торжественного обещания. У югославских скаутов был такой порядок, что новички за зиму должны были пройти III разряд, а на «Джурджевдан» дать «Завьет».

Церемония была короткой. Никто приказов не читал – таких порядков у югославских скаутов не было Молебна тоже не было. Шестое мая был православным днём св. Георгия, а среди сараевских скаутов не все были православными, но св. Георгий был покровителем всех скаутов и потому он отмечался как общескаутский праздник. Начальник дружины приветствовал новичков, давших «скаутски Завьет» и принятых в скаутское братство, и выразил надежду, что все поедут в лагерь, потому что нельзя стать настоящим скаутом не побывав в лагере, а о том, что такое скаутский лагерь, новички пусть судят по тому, как пройдёт «Джурджевдан».

После церемонии был обед и лесные игры. Возвращаясь из леса с игр, мы должны были принести хворост для костра. Костёр был устроен засветло, но мы, вставшие до зари, успели изрядно устать.

Для всех нас, новичков, а Боря был тоже новичком, костёр был большим событием. Мы уселись на одеялах на некотором расстоянии от костра. Раздалась команда – «встать, смирно!».

Костёр загорелся и мы запели югославский скаутский гимн – «пламен се диже...» (огонь разгорается). При словах «Так поклянёмся именем матери, что будем братству прокладывать путь» мы все протянули руки к костру со скаутским салютом.

После двух-трёх скаутских псен кто-то запел «журе» - злободневные частушки. «Льепо пева птица кос. Планинке су дигле нос» (красиво поёт птица дрозд, разведчицы задрали нос) спел один скаут, а мы подхватили припев – «жура, жура, жураве, жураушка мала е» Из всей этой тарабарщины можно перевести только два последних слова – «мала е» - то есть – «маленькая».

Спустя год, попав в Загребе в русский подлагерь, мы узнали, что «жура», - это наш русский «журавель», только с исковерканным припевом.

Конечно «планинке» (от слова «планина» - гора) в долгу не остались. У них были приготовленны свои «журе». Обид не было. Все были довольны.

Руководивший костром объявил, что первой точкой будет «Дедушкина шапочка с кисточкой». Это точка уже в 1931 г. считалась «с бородой», т.е. старой. Возможно, что она была русского происхождения, также как и «Тореодор», а вот следующие точки «Король Лир» и «Отело», якобы по Шекспиру, были определённо местные, боснийские. Весь комизм «Отело» заключался в неповторимом и непереводимом сербско-турецком языке. Кончалась точка криком Отелы: «Дездемона, яшмак ми дай». Дездемона убегала с носовым платочком в руке, ничего общего не имевшем с платком «яшмак», который носили мусульманские девушки, покрывая себе им голову и спину.

Как только кончилась первая точка, все новички, а мы тоже были впервые у костра, начали хлопать в ладоши. Руководивший костром остановил нас, сказав, что мы не в театре. У скаутов не хлопают в ладоши, а кричат. И мы закричали «Б-Р-А-В-О, браво, браво,браво».

Песни, точки, ракеты и крики (организованно, конечно, а не как попало), всё это шло одно за другим.

Услышав песни, к нашему костру подходили незнакомые люди. Руководивший приветствовал их словами: «Пожалуйста, посмотрите на скаутов. Такие костры мы всегда устраиваем в лагерях. Записывайте детей в скауты и посылайте их к нам в лагерь». Для новичков, какими были мы, костер тоже служил рекламой для лагеря, а у старых лагерников будил приятные воспоминания.

Р. Полчанинов